

Геннадий Муриков

ЛЕЗВИЕ БРИТВЫ

К 150-летию В.Я. Брюсова

Кем должен быть поэт в России? В. Евтушенко написал афористически: «Поэт в России больше, чем поэт». Эта фраза тысячи раз повторялась на страницах журналов, газет, в устных выступлениях. Но ведь не сам же Евтушенко пришёл к этой мысли, ему умишка бы не хватило, думаю. Оказывается, эта идея родилась в полемике двух замечательных поэтов-символистов Вяч. Иванова и Александра Блока в статьях, опубликованных в № 8 журнала «Аполлон» за 1910 год. Их несколько ироничный читатель — Валерий Брюсов — пишет об этом так: «Оба они стремятся доказать, что поэт должен быть не поэтом и книга поэзии — книга не поэзии. Правда, они говорят: “книга не поэзии, а чего-то высшего, чем поэзия”, “не поэтом, а кем-то высшим, чем поэт”»¹. Так оно и было, так и осталось. В статье будет обращено внимание на три мало исследованных аспекта творчества В. Брюсова. Во-первых, поговорим об особенностях его литературной критики; во-вторых, рассмотрим тему Брюсов и Пушкин; и, в-третьих, коснёмся исследований В. Брюсова в области истории цивилизаций далёкого прошлого («Атлантида»).

I.

Чаще всего Брюсова у нас понимают как одного из поэтов-символистов, даже мэтра символистской поэзии. Он хорошо известен и как романист, автор знаменитого романа «Огненный ангел», на сюжет которого написана опера Сергеем Прокофьевым, уже вновь поставленная в Мариинском театре В. Гергиевым (об этом ниже). Но как публицист, литературный критик и исследователь тайных загадок человеческой истории В.Я. Брюсов известен очень мало. Хотелось бы подчеркнуть весьма интересный творческий посыл В. Брюсова как критика, который мне необычайно близок. Точно так же, как в России «поэт больше, чем поэт», так и критик в России больше, чем критик. В условиях, когда сказать что-либо

¹ Из статьи В. Брюсова «О «речи рабской» в защиту поэзии» (1910 г.)

Валерий Брюсов
(1873–1924)

прямо нельзя или запрещено, приходится действовать намёками с фигуральной фигурой в кармане. На это постоянно намекает В. Брюсов в своих статьях.

У него есть любопытное замечание на пресловутую тему:

*Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.*

«Может быть, в иные дни поэт, как гражданин, обязан идти на баррикады, но он не обязан рассказывать об этом в особой поэме (...) Требовать, чтобы всё искусство служило общественным движениям, всё равно что требовать, чтобы вся ткацкая промышленность только и делала, что предоставляла материи для красных флагов»².

В. Брюсов написал несколько сотен статей и рецензий, некоторые из которых до настоящего времени поражают своей пронзительностью и глубиной. О Горьком после пьесы «На дне» он откровенно говорил, что тот совершенно исписался, а «...в своих философских суждениях Горький никогда не шёл дальше пересказа плохо понятых по русским переводам идей Ницше»³. Там же он противопоставляет Горькому Леонида Андреева: «Для Андреева нет ничего обыкновенного, простого. На каждом шагу бездны разверзаются перед ним и зачаровывают его. Ужас всегда, неумолимо таится во всех его настроениях. Душевное состояние героев Андреева похоже на состояние демонов, как его состояние представляет учение церкви; это состояние постоянной тоски и страха. Все его герои всего лучше могут быть определены словом “бесноватые”». Это похоже на Достоевского и его пророчества.

Даже такие небольшие цитаты свидетельствуют о том, насколько тонко В. Брюсов понимал литературную среду и настроение своего времени: ведь совсем уж был недалёк тот час, когда ницшеанские «сверхчеловеки» М. Горького и «бесноватые» Л. Андреева полноправно вышли на арену русской истории.

* * *

Ещё раз о том, что такое поэзия и вообще литература в России, В. Брюсов обращается в одной из полемических статей, адресованных лично Андрею Белому. Всё-таки Брюсов всегда был преи-

² Из статьи «Современные соображения» (1905 г.).

³ Из статьи в «Сборнике Товарищества “Знание”» за 1904 год.

мушественно эстетом, и какие-то глубинные смыслы русской культуры ему были чужды. А. Белый рассматривал русскую литературу с точки зрения тайновидения и оккультных понятий. Вот как ему отвечает В. Брюсов: «Но, как хочешь, поэтов можно мерить только по достоинствам и недостаткам их поэзии, ни по чему другому. Если в глубинах русской поэзии суждено, как ты утверждаешь, зародиться новой, ещё неизвестной миру религии, если русская поэзия “провиденциальна”, — то наиболее яркие представители этой поэзии и будут представителями “Апокалипсиса в русской поэзии” (Так называлась одна из статей А. Белого — Г. М.)»⁴.

Андрей Белый
(1880–1934)

Но вопрос этот далеко не так прост, как кажется. Брюсов, сам убеждённый символист, в глубине души всё-таки имел некую склонность к материалистическому пониманию мироздания — об этом поговорим ниже, — в то время как А. Белый и его ближайший сподвижник А. Блок были мистиками не только по убеждению, но и по складу своих личностей. Впоследствии это выразилось в различном понимании ими религиозных исканий в начале XX века.

Например, В. Брюсов выступил с резкой критикой учения Г. Чулкова «О мистическом анархизме», которое было поддержано Вяч. Ивановым, А. Блоком и другими символистами. Главное, против чего выступает Г. Чулков, — это «душная атмосфера православия». Брюсов так решительно критикует Чулкова, что у неподготовленного читателя может возникнуть мысль, что сам Брюсов и есть выразитель православной идеологии. Но как тогда понимать такие его стихи:

*Неколебимой истине / Не верю я давно,
И все моря, все пристани / Люблю, люблю равно.
Хочу, чтоб всюду плавала / Свободная ладья,
И Господа и Дьявола / Хочу прославить я. (1901 год)*

Вот здесь-то и следует вспомнить то, о чём шла речь в начале статьи: поэт-символист может так или иначе отклоняться от тех или иных взглядов и концепций, оставаясь верным одному — своей мятущейся, творящей, взыскующей личности, существо которой, возможно, он и сам не понимает до конца (это уже почти по Фрейдю). Хорошо об этом написал предшественник символизма Владимир Соловьёв в 1892 году.

⁴ Из статьи «Открытое письмо А Белому».

*Милый друг, иль ты не видишь, / Что всё видимое нами —
Только отблеск, только тени / От незримого очами?
Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искажённый / Торжествующих созвучий?
Милый друг, иль ты не чувствуешь, / Что одно на целом свете —
Только то, что сердце сердцу / Говорит в немом приветие?*

* * *

В. Брюсов всегда был двойственным человеком, особенно среди символистов. Важную роль в этом играло, на мой взгляд, его происхождение. Блок, Мережковский были дворянами не в первом поколении. Отец Мережковского, например, был столоначальником в министерстве двора графа Фредерикса. Брюсов же происходил из московской купеческой семьи, даже не самой богатой. Он очень переживал по этому поводу, и некоторые его рассказы посвящены попыткам персонажа вырваться из полусвета и пробиться в высший свет. И даже немножко с иронией, несколько в исповедальном стиле говорил об этом в своих рассказах. В юности Брюсов увлекался спиритизмом, прослыл известным медиумом, но позже с долей юмора признавался, что частенько обманывал участников спиритических сеансов, особенно пожилых женщин. Тем не менее, проблемы духовидения и теософии занимали его всю жизнь.

II.

Одной из важнейших тем в творчестве и в литературной деятельности В. Брюсова являются его размышления о Пушкине. Для убеждённого символиста, каковым он являлся, — это просто загадка. Мережковский, Вяч. Иванов, Г. Чулков, Ф. Сологуб о Пушкине если иногда и упоминали, то только вскользь. В отличие от Мережковского с его единственной аналитической статьёй «Пушкин», Брюсов посвятил поэту более 80-ти статей и рецензий. И смело можно сказать, что именно он заложил основы так называемого пушкиноведения, существующего и поныне. Многие не знают, но следует заметить, что у нас существуют как бы два разных Пушкина. При советской власти было издано два академических собрания сочинений Пушкина: одно в 17-ти томах, изданное второе — десяти томник 1960-х годов. В 1999 году было издано в ИРЛИ третье собрание сочинений уже в 20-ти томах по другим принципам. Современные пушкинисты то ли не обращают внимание, то ли сознательно скрывают разницу в **опубликованных** текстах, но образ Пушкина в сознании читателя XXI

века как бы неизбежно двойится: то ли он сторонник самодержавия и друг Николая I, то ли наоборот — почти декабрист. В 1828 году Пушкин пишет:

*Нет, я не льстец, когда царю,
Хвалу свободную слагаю...*

Но не забудем, что незадолго до этого он писал иное:

*Самовластительный злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостью вижу.*

Нельзя забывать, что речь идёт не о Пушкине и его взаимоотношениях с царём, а о Брюсове и его отношении с двумя «Царями» — императором Николаем II и Лениным. Брюсов, с моей точки зрения, воспринимал себя как Пушкина своего времени. Он единственный из поэтов XX века, решивший не только дополнять и исправлять произведения Пушкина и давать к ним различные комментарии, но и заново полностью переписать и дописать неоконченную поэму А.С. Пушкина «Египетские ночи». Это своего рода литературный подвиг (А может, высокомерное хулиганство?) в истории литературы, по крайней мере мне такие примеры неизвестны. «Хуже» или «лучше» получилось, судить трудно, поскольку полного оригинала не существовало. Дописать возможную X главу «Евгения Онегина» он не решился.

Но это ничего не меняет в отношении Брюсова в его самопредставлении по отношению к власти того периода жизни. Ключевым моментом для понимания истории России он считает поэму А.С. Пушкина «Медный всадник». Кто он такой, «Медный всадник» для Брюсова и современной ему эпохи? То ли Пётр, то ли Николай I, то ли Николай II, а может быть Ленин или Сталин, хотя до его правления он не дожил? Пушкин поставил вопрос, и Брюсов этот вопрос понял. Тут вспоминаются знаменитые стихи Лермонтова:

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт...*

В 1917 году она и упала.

Но в поэме «Медный всадник» есть и ещё один герой — несчастный Евгений, жертва наводнения 1824 года. Кстати, сам Пушкин не был очевидцем этого наводнения, находясь в ссылке в селе Михайловском, но воспринял его почти как вселенскую катастрофу, воспроизводя события этой трагедии по различным документальным свидетельствам. Кто такой этот Евгений? Брюсов пишет: «Одно время думал даже сделать из него если не по-

эта, то человека, как-то интересующегося литературой». В черновых набросках читаем: «... Мой чиновник / был сочинитель и любовник» (В. Брюсов, с/соч., т. 7, стр. 40, 1975 г.). Дальше поясняется, что Пушкин даже называл этого Евгения своим соседом (там же, стр. 41). Приходит в голову очевидная мысль, а не Евгений ли это Онегин? «Онегин, добрый мой приятель / Родился на берегах Невы...». Дальше ещё более удивительные строки о мечтах Евгения: «...Я устрою / Себе смиренный уголок / И в нём Парашу успокою. / Кровать, два стула, щей горшок, / Да сам большой... Чего же боле?». «Евгений Онегин» и «Медный всадник» — над этими произведениями А.С. Пушкин работал одновременно. И поэт постоянно соизмерял себя с титанической сверхъестественной силой, воплощённой в образе Петра.

В одной из последних статей — «Пушкин — мастер» (1924 г.) — Брюсов со всей убеждёностью утверждает, что проблематика «Медного всадника» стала основой для всей русской литературы и культуры: «Петербургские повести» Гоголя вышли из внешних описаний «Медного всадника». Напротив, идея «Медного всадника» целиком легла в основу «Преступления и наказания»: имеет ли право человек, ради целей, которые он считает высокими, жертвовать жизнью другого человека? (Пётр — Раскольников, бедный Евгений — старуха-процентщица). Идея «Цыган» повторена в «Анне Карениной». Идея «Египетских ночей» ещё ждёт гения, который сумел бы её претворить». Рассуждения Брюсова отчасти кажутся верными, но во многом и спорными. Особенно это относится к трактовке «Египетских ночей». Как было сказано выше, свою переработку и доработку пушкинской поэмы Брюсов считал своим высшим литературным достижением, не только соизмеряя себя с Пушкиным, но и откровенно считая себя Пушкиным нового XX века. Брюсов никогда ничего не писал «просто так». Как и все его друзья, соратники из круга писателей-символистов, он всегда искал внутренний смысл за внешней оболочкой. Это в полной мере относилось и к его пониманию творчества Пушкина.

В одной из статей («Разносторонность Пушкина», 1922 г.) Брюсов писал: «Пушкин словно сознавал, что ему суждена жизнь недолгая, словно торопился исследовать все пути, по которым могла пойти литература после него. (...) И до сих пор наша литература ещё не изжила Пушкина; до сих пор по всем направлениям, куда она прорывается, встречаются вежи, поставленные Пушкиным, в знак того, что он знал и видел эту тропу».

Может быть, это и так, особенно если учесть рассуждения Брюсова из другой статьи — «Пушкин и крепостное право»

(1922 г.). То, что там написано, имеет отношение вовсе не к крепостному праву, а скорее провидчески к советскому колхозному строю, осуществившемуся уже после смерти писателя. Речь идёт о пушкинской повести «История села Горюхина». Брюсов выделяет и цитирует такие места: «Чем мужик богаче, тем он избалованнее, чем беднее, тем смиреннее». И далее: если хочешь откупиться, «заплати сверх недоимок двойной годовой оброк». Чем не колхозная реальность 1930-х — 40-х годов? Тут провидцами выглядят не только Брюсов, но и сам Пушкин.

* * *

Размышления о творчестве Пушкина у Брюсова неизменно перекликаются с общими раздумьями о русской литературе и её нравственных ценностях. Писатель считал поэму «Медный всадник» высшим достижением в творчестве Пушкина. В какой-то мере это можно считать правдой, если иметь в виду события, последовавшие за 1917 годом. Брюсов был единственным поэтом-символистом, вступившим в 1920 году в партию большевиков — ВКП (б). Что самое удивительное, — это заявление В. Брюсова о том, что поэма Блока «12», одобренная самим Луначарским, по сути, является антикоммунистической. Здесь Брюсов выступает в роли почти что «партийца», тем более, что он вступил в ряды ВКП (б) в 1920 году. Для символиста, конечно, странно.

III.

Размышляя о творчестве Брюсова как историка и литературного критика, разумеется, нельзя игнорировать его самое «нечитаемое» произведение — книгу «Учители учителей» (1917 г.). Брюсов поэт и Брюсов прозаик достаточно известны современному читателю. В наши дни даже идёт опера С. Прокофьева по роману «Огненный ангел»⁵ на сцене, например, Мариинского театра (премьера в 1983 году). Но что думал Брюсов об истоках культуры и цивилизации, о происхождении современного человечества? Эта тема до сих пор в литературоведении фактически не освещена. И для этого есть причины. Они состоят в том, что, вступая на опасную почву исследований об Атлантиде, мы напрямую не только сталкиваемся с современными так называемыми представлениями об истории, но и прямо им противоречим.

⁵ С.С. Прокофьев создал эту оперу по собственному либретто, работая над ней с 1919 по 1927 г. Мировая премьера состоялась в Италии в 1955 году, в СССР впервые поставлена в Пермском театре оперы и балета в 1983 году, а в репертуаре Мариинского театра в Петербурге находится с 1991 года по настоящее время.

Во основу книги «Учители учителей» положен ряд статей и лекций В. Брюсова, прочитанных им в так называемом народном университете им. Шанявского, в котором, кстати, Есенин в это время был студентом. Брюсов обратился к истории древнейших времён не случайно. Его миросозерцанию глубоко противоречила историческая наука того времени, в которой утверждалось, что до времён Древней Греции или, в крайнем случае, до Троянской войны как бы ничего и не было. Человечество якобы произошло «ниоткуда», согласно библейским писаниям. Между тем, уже тогда открылись новые свидетельства существования древних цивилизаций. Появились первые исследователи египетских пирамид, были открыты цивилизации инков и майя в Южной Америке. Все эти сведения в то время находились *in statu nascendi*. Однако исследователи тайных знаний того времени об этом знали многое. В их числе Луи де Сен-Мартен (1743–1803), Элифас Леви (1810–1875), и, конечно, Е.П. Блаватская (1831–1891). Учения о древних истоках цивилизаций неизменно упирались в проблему существования и бытия Атлантиды — огромного острова или субконтинента, находившегося между Африкой, Европой и Америкой.

Впервые об Атлантиде, как известно, написал Платон, посвятивший истории возникновения и гибели этого континента два философских диалога «Тимей» и «Критий». Платон подробно описал жизнь Атлантиды как целостного и очень могущественного государства, сообщив, что оно погибло в результате землетрясения и наводнения до его, т. е. платоновской, эпохи примерно за 8–10 тысяч лет, а от нашего времени соответственно за 10–12 тысяч лет.

Во времена Брюсова многое из данных об Атлантиде было неизвестно. Например, рассуждая о строительстве пирамид, он ориентировался только на самые поверхностные сведения об их происхождении. Современная пирамидология приводит многочисленные необыкновенные открытия — о космической ориентации пирамид, об удивительном сходстве египетских пирамид с пирамидами в Мексике и южной Америке, — тем удивительнее прозорливость писателя, не располагавшего этими знаниями. Недавно открыты пирамиды в Китае. Вопрос о пирамидах на Марсе до сих пор является научной загадкой.

Последние атланты (Гибель Атлантиды), Н.К. Рерих

Чрезвычайно интересны также сведения о таинственном металле, упоминавшемся у Платона, известном в древности под названием «орихалк». После длительных исследований Брюсов констатирует, что он больше всего похож на алюминий, однако в Древней Греции технология изготовления алюминия путём электролиза была неизвестна. Но — по Платону — в Атлантиде орихалк был широко распространённым материалом.

Когда же могла существовать Атлантида? «Гибель Атлантиды приходится помещать между концом ледникового периода в Европе и 5-м тысячелетием до Р. Х. (Рождества Христова — Г. М.). Опираясь на цифры, сообщаемые Платоном, некоторые авторы (из школы теософов) приурочивают, поэтому, гибель Атлантиды к X тысячелетию до Р. Х., даже точнее — к 9654 году до Р. Х.»

Брюсов, можно сказать, с юношеских лет занимался исследованиями этой темы и в неизданной поэме «Атлантида» (1897 г.) назвал себя почти пророком в откровениях о её тайнах. Предчувствие поэта:

*Забывтое и чуждое преданье
В моих стихах я должен оживить.
Оно не раз пленяло мысль поэтов,
Его певцом был юноша-мудрец,
Впоследствии мудрейший созерцатель
Из всех людей...*
И даже в наши дни,
Воскресшее, оно пленяет думы,
Зовёт мечту, палит воображенье...***

В примечаниях автор указывает: * — Платон, ** — В теософских журналах в последнее время много говорят об Атлантиде.

К настоящему времени об истории Атлантиды написаны тысячи книг, даны сотни интерпретаций о месте её нахождения и времени гибели. Е.П. Блаватская в «Тайной доктрине» выдвинула концепцию о существовании некой атлантической расы, существовавшей до гибели Атлантиды, сменившейся затем арийской расой. По воззрениям Е. Блаватской она является пятой коренной расой, и поныне осуществляющей на Земле религиозную, культурную и экономическую деятельность.

Брюсову, естественно, не были известны океанологические исследования XX–XXI вв., но для него Атлантида всегда была символом погибших и забытых истоков теперешней цивилизации, а одновременно и символом погибшей в революционном наводнении России.

Чуть позже к теме погибшей Атлантиды — России обращается Д.С. Мережковский. Уже в эмиграции он пишет книгу «Тайна Запада: Атлантида-Европа» (1930 г.). В ней автор, опираясь не только на события октябрьского переворота, но и отчасти на книгу О. Шпенглера «Закат Европы» (1 т. — 1918 г., 2 т. — 1922 г. На русский язык 2-й том переведён только в 1990-х гг.), уже пророчествует о том, что погибнет, подобно Атлантиде, не только Россия, но и вся Европа. Если учесть дальнейшие события, то это предсказание, на мой взгляд, практически сбылось.

* * *

В. Брюсов никогда не был противником советской власти

Многие годы, за исключением сталинского режима, всегда был издаваемым и популярным писателем. К 100-летию со дня его рождения в брежневскую эпоху, когда власть не слишком любила писателей Серебряного века, было издано в 1973 году его семитомное собрание сочинений. Возможно, здесь сказывалась лукавая двойственность его собственной позиции или, как я думаю, сыграли роль беспристрастность и точность его литературных и художественных, политически не ангажированных, оценок. Точность и острота, как лезвие бритвы.

P.S. Несколько исторических свидетельств из биографии Брюсова. По инициативе В. Брюсова был создан «в усадьбе Соллогуба» весной 1921 года Высший литературно-художественный институт имени В.Я. Брюсова (в разговорной речи «Брюсовский институт») — специальное высшее учебное заведение в Москве, существовавшее по 1925 год. В институте готовили писателей, поэтов, беллетристов, драматургов, критиков и переводчиков (трёхгодичный курс обучения). Его основой послужили студии при ЛИТО Наркомпроса (ранее также организованной Брюсовым), литературных курсов при «Дворце искусств», закрытом в феврале, и части Государственного института слова. Кроме того, весной 1922 г. с ВЛХИ слили Профессионально-техническую школу поэтики, где работал Брюсов и другие преподаватели ВЛХИ. Пролетариат, овладевающий всеми орудиями производства, изучающий научную организацию труда, не мог пройти мимо такого могучего орудия культуры, каковым является слово. Производственно овладеть словом — такова задача ВЛХИ, созданного пролетарской властью. «Брюсовский институт» — предшественник Литературного института им. Горького, который создавался уже с учётом опыта этого института. *(По данным Википедии).*

Санкт-Петербург, февраль 2023 года